

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

УДК: 911(502.3)

Калуцков В.Н.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СЕМИНАРА «КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ» И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ В РОССИИ¹

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Россия, Москва, v.kalutskov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются содержательные и институциональные проблемы развития культурной географии в России в контексте деятельности семинара «Культурный ландшафт».

Ключевые слова: культурный ландшафт; культурная география.

Kalutskov V.N.

The interdisciplinary seminar «Cultural Landscape» and the development of cultural geography in Russia

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia. v.kalutskoy@yandex.ru*

Abstract. The paper deals with the substantive and institutional problems related to the development of cultural geography in Russia within the context of the seminar «Cultural Landscape».

Keywords: cultural landscape; cultural geography.

Received: 07.08.2018

Accepted: 21.08.2018

¹ © В.Н. Калуцков, 2019

1. О культурных основаниях географии

Как пошутил один физик: «Науки делятся на естественные и противоестественные». Но для человека, для любого человеческого сообщества именно гуманитарные науки являются более органичными и в этом смысле естественными, так как для человека нет ничего ближе, чем его культура и языки.

Любая национальная географическая картина мира целиком строится на культурно-исторических основаниях. Почему в русской картине мира Японское море поименовано Японским, а у корейцев оно Восточное? Почему финны называют Балтийское море Восточным, хотя оно расположено к югу и западу от Финляндии? Почему русские назвали реку Енисеем, хотя объем стока Ангары в месте ее «впадения» в 2,5 раза больше? Потому что история и культура страны в этих и во многих других случаях важнее, чем «объективные» научные характеристики.

Во многих естественно-научных классификациях нередко заложена культурная оценка. Так, классификация климатов содержит евроцентричную оценку, поскольку в ней умеренный климат представлен как норма (культурная норма), а все остальные типы – как природная (и культурная) аномалия.

Опора на сложившуюся национальную (культурно-географическую) картину мира важна и во многих прикладных географических вопросах. К примеру, в ситуации с Кавказом лучше использовать «спокойную» традиционную русскую geopolитическую и географическую формулу: Предкавказье – Кавказ – Закавказье, чем опираться на конфликтогенную «Северный Кавказ – Южный Кавказ», в которой Северный Кавказ – российский Кавказ, а Южный – не российский (читай – антироссийский).

2. Культурно-географическое пространство России как неосвоенный космос, или проблема недопонимания большого культурного пространства

В научном сообществе проблематика большого российского пространства систематически обсуждается последние 200 лет. В российском же обществе мало кто идет дальше высказывания «Россия – самая большая страна в мире». Это утверждение эмо-

ционально не окрашено, хотя некоторые исследователи считают, что жители России должны гордиться этим обстоятельством.

Непонимание, включая недопонимание пространства, порождает чувства страха, уныния, раздражения... Похоже, они лежат в основе идеи **демонизации большого российского пространства**. Одним из первых, кто в таком контексте обсуждал пространства России в начале XIX века, был П.Я. Чаадаев; он писал: «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе... всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это факт географический» [Чаадаев, 1991, с. 538]. Высказывание П.Я. Чаадаева неоднозначно, двойственno, но в нем уже содержатся элементы демонизации большого пространства, увязывания с ним проблем страны.

Ему вторит его современник диссидент В.С. Печерин, который пишет, что над Россией тяготеет проклятье «закона географической широты» [Печерин, 1989, с. 162].

Отсутствие понимания большого пространства как ценности (и не столько в ресурсном плане, сколько в экологическом и собственно культурном аспектах), приводит некоторых исследователей и деятелей искусства к весьма «вольному» обращению с российским пространством.

Один самых кричащих примеров «разбазаривания» российского пространства – карта России, помещенная на памятнике «Благодарная Россия – героям 1812 года» (автор Н. Шуцман). Памятник установлен в связи со столетием победы над Наполеоном возле Смоленского кремля и справедливо относится к лучшим монументам города. Но как показана на нем Россия? При внимательном рассмотрении карты страны, помещенной на памятнике, мы с изумлением обнаруживаем, что героев войны благодарит почему-то только Европейская Россия (рис. 1). Такое авторское решение противоречит историческим реалиям (в войне принимали участие и русские-сибиряки, и казахи, и другие представители Азиатской России) и вызывает только чувства недоумения и горечи.

Рис. 1.

**Карта России, помещенная на памятнике
«Благодарная Россия – героям 1812 года» в Смоленске
(фото автора)**

Другой пример относится уже к современности. Противоречивое высказывание талантливого исследователя Василия Щукина перекликается с изображением России на памятнике в Смоленске: «Я вполне могу себе представить Россию не православной. Я могу вообразить ее абсолютной монархией, наподобие Саудовской Аравии, или демократической федеративной республикой, наподобие Индии. Я мог бы представить, что она не самое большое государство мира: скажем, Россия без Сибири все равно останется сама собой (? – В. К.). Невозможны только два варианта – Россия не говорящая по-русски и маленькая Россия (! – В. К.)» [Щукин, 2009, с. 382–383]. Похоже, в процессе своих рассуждений автор забывает взглянуть на карту и потому противоречит сам себе: Россия без Сибири – это и есть маленькая Россия, если стоять на позициях российской географии и истории.

Вместе с тем у проблемы недопонимания российского пространства есть и объективная сторона, связанная с «культурной недоосвоенностью» Сибири. Это проблему впервые поставил Велимир Хлебников, который писал, что русской литературой освоен Кавказ, но не Урал с Сибирью и что она ждет своего Пржевальского [Хлебников, 1986, с. 593]. В наши дни об этом неоднократно писал Д.Н. Замятин [например, Замятин, 2009].

3. О культурно-географической рефлексии национальной картины мира и ее механизмах

Одним из способов преодоления проблемы недопонимания российского пространства является **культурно-географическая рефлексия**, т.е. размышление о собственном – национальном – пространстве, пространстве большой страны. Это важная научно-методологическая и общественно-просветительская задача.

Один из первых опытов в этом направлении – образно-географическое осмысление российского пространства в поэтической форме [Ломоносов, 1959, с. 221–222]:

*Она, коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы,
Гремящей насыщена славы,
Покоится среди лугов.
В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон,
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Седит и ноги простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой обращает
И вокруг довольства исчисляет,
Возлегши лактем на Кавказ.*

Автор создает мощный и зримо осязаемый образ России как огромной страны. Он ясно дает понять, что большая страна – это не только большая территория с множеством природных ресурсов, что большая страна – не только залог ее политического веса и мо-

гущества, но – главное – Россия представляет собой **великое пространство**, пространство величия и процветания. Ломоносов задает нам культурный образец отношения к огромному пространству России как к предмету национальной гордости.

Механизмами культурно-географической рефлексии могут быть традиционные для географии формы, например, *культурно-географическое и историко-географическое районирование, социальные и geopolитические реминисценции*, на что нас ориентирует С. Хантингтон («Большая страна как показатель ее исторической успешности»).

Культурно-ландшафтное и, шире, культурно-географическое районирование страны демонстрирует нам реально освоенные культурой пространства страны и особенности их организации [Веденин, 2004 а; Калуцков, 2017]. Важнейшим результатам такого районирования является понимание таких важнейших свойств русского культурного пространства, как центрированность (москвоцентричность) и полимасштабность.

Огромную роль в культурно-географической рефлексии российского пространства играют *концептуально-теоретические формы*. К разработкам такого типа относятся картоиды Б.Б. Родомана [Родоман, 2007]. Необычайно интересны и перспективны исследования в области секторальной культурной географии, которые осуществляют С.В. Рогачев и Р.Э. Рахматуллин.

Существуют и менее привычные формы культурно-географической рефлексии, такие как *географическое освоение и осмысление фольклорного и литературного материала*, связанного с образами пространства.

Русский фольклор поражает своей географичностью и содержит огромный материал по пространственным образам страны, отдельных регионов, городов и деревень [Калуцков, Иванова, 2006].

Как показали замечательные исследования отечественных культур-географов, русская литература отличается географичностью [Веденин, 1997, 2004 б; Ширгазин, 1993; Замятин, 2003, 2006; Замятин, 1998, 2002; Лавренова, 1998 и другие].

Русская литература – это литература-путешественница. Она «...развивалась на ходу, трясясь в карете, в тарантасе, на телеге по пыльным проселкам и широким трактам» [Замятин, 2003, с. 96]. Поэтому литературное путешествие – это не только один из самых распространенных жанров русской литературы, скорее, это ее про-

странственная сущность. Проезжая по России, писатель лучше постигает ее непостижимое пространство. Приведем один из примеров постижения «непостижимого» российского пространства: «Сила и очарование тайги не в деревьях-гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве одни только перелетные птицы знают, где она кончается. В первые сутки не обращаешь на нее внимания; во вторые и в третью удивляешься, а в четвертые и пятые переживаешь такое настроение, как будто никогда не выберешься из этого зеленого чудовища. Взберешься на высокий холм, покрытый лесом, глянешь вперед на восток, по направлению дороги, и видишь внизу лес, дальше холм, кудрявый от леса, за ним другой холм, такой же кудрявый, за ним третий, и так без конца; через сутки опять взглянешь с холма вперед – и опять та же картина... Впереди, все-таки знаешь, будут Ангара и Иркутск, а что за лесами, которые тянутся по сторонам дороги на север и юг, и на сколько сотен верст они тянутся, неизвестно даже ямщикам и крестьянам, родившимся в тайге. Их фантазия смелее, чем наша, но и они не решаются наобум определять размеры тайги и на ваш вопрос отвечают: “Конца нет!”» [Чехов, 1978, с. 37].

Далеко не случайно, что великий русский поэт – это великий русский поэт-путешественник. Пушкин в среднем проезжал в год 1000 км, и практически все его поездки породили новые литературные произведения. Пушкин по полному праву заслужил высокое «звание» Колумба русской поэзии, которое ему «присвоил» академик Д.С. Лихачев [Лихачев, 1987].

Словом, нужно и дальше осваивать богатейший материал русской литературы, вероятно, самой «географичной» литературы в мире.

4. Междисциплинарный семинар «Культурный ландшафт» и его миссия

Почему с таким трудом продвигаются идеи культурной, гуманитарной географии в российской науке? Почему по-прежнему происходит их институциональное отторжение? В 2000-е годы можно было говорить о тематическом отторжении культурно-географических идей. Напомню, что еще совсем недавно, в 2009 г.,

крупный российский географ публично призывал закрыть культурную географию.

Сейчас происходит только институциональное отторжение. Во многих географических проектах, исследованиях обсуждаются и разрабатываются культурно-географические проблемы. Но в стране по-прежнему нет ни учебного, ни научного культурно-географического учреждения. Пожалуй, единственным общественно-институциональным образованием является наша комиссия по культурной географии Московского городского отделения Русского географического общества, созданная в 2006 г. на базе междисциплинарного семинара «Культурный ландшафт».

Возможно, у этой сложившейся ситуации есть и объективные причины, связанные с одной из базовых географических концепций – концепцией географического детерминизма. Возможно, России с ее огромными и все еще слабо освоенными просторами больше нужна физическая география. По крайней мере, современная структура географического факультета МГУ красноречиво подтверждает это предположение: только 20% (!?) кафедр относятся к социально-экономическому крылу географии. Неужели для нас по-прежнему актуально высказывание В.П. Семенова-Тян-Шанского, который в 1927 г. писал: «Не менее типично и то, что отдельные научные отрасли рождались в совершенно определенных странах; так геология родилась в тесных среднегерманских и английских рудоносных горах, почвоведение – на огромной черноземной Русской равнине и на той же равнине – учение о лесе как географическом факторе» [Семенов-Тян-Шанский, 1927].

Остается только вспоминать об успехах русской антропогеографии начала XX в., когда Л.С. Берг дал определение культурного ландшафта на 10 лет раньше, чем основатель известной Берклийской культурно-географической школы Карл Зауэр.

Как функционирует семинар «Культурный ландшафт»? Он работает как междисциплинарный, не прикрепленный ни к одной кафедре. И мы благодарны географическому факультету МГУ за предоставляемые для заседаний аудитории. В этом заключается и наша слабость, и наша сила. В 2006 г. мы протянули руку помощи РГО и создали на базе семинара секцию по культурной географии МГО РГО. И с тех пор мы дружим... Мы благодарны Московской штаб-квартире РГО, которая регулярно предоставляет нам площадку для заседаний.

За 25 лет семинар провел около 300 заседаний (по ситуации на 1 февраля 2018 г. 284 заседания), выпустил четыре сборника трудов, провел Всероссийскую школу молодых ученых. В среднем семинар проводит 10–12 научных заседаний в год. И, главное, его деятельность, как и 25 лет назад, строится на общественных началах.

Можно назвать три причины устойчивости его деятельности:

– институциональная (в ситуации отсутствия институциональных структур в области культурной и гуманитарной географии, семинар выполняет и будет выполнять эту функцию);

– гендерная (семинаром руководят очаровательная географиня Татьяна Михайловна Красовская и географ Владимир Николаевич Калуцков, совместно олицетворяя целостность культурной географии);

– и самая главная – общественная, поддержка научного сообщества.

Мы благодарны научному сообществу, нашим постоянным докладчикам, поскольку именно они, их идеи, их творческие порывы, искания – залог дальнейшей успешной деятельности семинара. В 1998 г. профессор С.М. Мягков в своем выступлении на заседании семинара сказал: «Кто ищет стойкие культурные ландшафты, тот и сам неизбежно оказывается социально-экологическим спасателем». Мы стараемся следовать этому напутствию.

Список литературы

1. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. – М.: Институт Наследия, 1997. – 224 с.
2. Веденин Ю.А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как объект наследия. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 а. – С. 338–382.
3. Веденин Ю.А. Информационная парадигма культурного ландшафта // Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как объект наследия. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 б. – С. 68–81.
4. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2003. – 331 с.
5. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
6. Замятин Д.Н. Геократия: Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Замятин Д.Н. Россия: воображение пространства / пространство воображения. – М.: Аграф, 2009. – С. 339–377.

7. Замятин Н.Ю. Локализация идеологии в пространстве (американский фронт и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур») // Замятин Н.Ю. Полюса и центры роста в региональном развитии. – М.: Институт Географии, 1998. – С. 190–194.
8. Замятин Н.Ю. Художественная литература как материал для изучения мысленных структур пространства (на примере романа В. Набокова «Дар») // Замятин Н.Ю. География искусства: сборник статей. – М.: Институт Наследия, 2002. – Вып. 3. – С. 92–108.
9. Калуцков В.Н. География России: учебник и практикум для СПО. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – 347 с.
10. Калуцков В.Н., Иванова А.А. Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. – М.: ПФОП, 2006. – 212 с.
11. Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX в. (геокультурный аспект). – М.: Институт Наследия, 1998. – 95 с.
12. Лихачев Д.С. Заметки о русском // Лихачев Д.С. Избранные работы: в трех томах. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т. 2. – С. 418–494.
13. Ломоносов М.В. Ода на день восшествия на престол Ея Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны 1748 года // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1983. – Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. – 1959. – С. 215–225.
14. Печерин В.С. Замогильные записки (Apologia pro vita mea) // Печерин В.С. Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи (Мемуары современников) / под ред. И.А. Федосова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 148–311.
15. Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды: Сборник трудов. – Смоленск: Ойкумена, 2007. – 368 с.
16. Семенов-Тян-Шанский В.П. Что должен знать каждый краевед о географии человека. – Л.: Брокгауз и Ефрон, 1927. – 133 с.
17. Хлебников В. О расширении пределов русской словесности // Хлебников В. Творения. – М.: Советский писатель, 1986. – 593 с.
18. Чадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Чадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. – М.: Наука, 1991. – Т. 1. – С. 523–538.
19. Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: Сочинения: в 18 т.: Письма: в 12 т. – М.: Наука, 1974–1982. – Т. 14/15. – 1978. – С. 5–38.
20. Ширгазин О.Р. Географическое пространство «Слова о полку Игореве» // Природа. – М., 1993. – № 3. – С. 84–92.
21. Щукин В. Европейские ландшафты и цивилизация большой равнины (Ф.А. Степун) // Щукин В. Россия: воображение пространства / пространство воображения. – М.: Аграф, 2009. – С. 378–397.

References

1. Vedenin Yu.A. Ocherki po geografii iskusstva. – M.: Institut Naslediya, 1997. – 224 s.

2. *Vedenin Yu.A.* Opyt kul'turno-landshaftnogo opisaniya krupnyh regionov Rossii // *Vedenin Yu.A.* Kul'turnyj landshaft kak ob'ekt naslediya. – M.: Institut Naslediya; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004 a. – S. 338–382.
3. *Vedenin Yu.A.* Informacionnaya paradigma kul'turnogo landshafta // *Vedenin Yu.A.* Kul'turnyj landshaft kak ob'ekt naslediya. – M.: Institut Naslediya; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004 b. – S. 68–81.
4. *Zamyatin D.N.* Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov. – SPb.: Aletejja, 2003. – 331 s.
5. *Zamyatin D.N.* Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov. – M.: Znak, 2006. – 488 s.
6. *Zamyatin D.N.* Geokratiya: Evraziya kak obraz, simvol i proekt rossijskoj civilizacii // *Zamyatin D.N.* Rossiya: voobrazhenie prostranstva / prostranstvo voobrazheniya. – M.: Agraf, 2009. – S. 339–377.
7. *Zamyatina N. Yu.* Lokalizaciya ideologii v prostranstve (amerikanskij frontir i prostranstvo v romane A. Platonova «Chevengur») // *Zamyatina N. Yu.* Polyusa i centry rosta v regional'nom razvitiu. – M.: Institut Geografii, 1998. – S. 190–194.
8. *Zamyatina N. Yu.* Hudozhestvennaya literatura kak material dlya izucheniya myslennyh struktur prostranstva (na primere romana V. Nabokova «Dar») // *Zamyatina N. Yu.* Geografiya iskusstva: sbornik statej. – M.: Institut Naslediya, 2002. – Vyp. 3. – S. 92–108.
9. *Kalutskov V.N.* Geografiya Rossii: uchebnik i praktikum dlya SPO. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Yurajt, 2017. – 347 s.
10. *Kalutskov V.N.*, *Ivanova A.A.* Geograficheskie pesni v tradicionnom kul'turnom landshafte Rossii. – M.: Izd-vo PFOP, 2006. – 212 s.
11. *Lavrenova O.A.* Geograficheskoe prostranstvo v russkoj poezii XVIII – nachala XX v. (geokul'turnyj aspekt). – M.: Institut Naslediya, 1998. – 95 s.
12. *Lihachev D.S.* Zametki o russkom // *Lihachev D.S.* Izbrannye raboty v trekh tomah. – L.: Hudozh. lit., 1987. – T. 2. – S. 418–494.
13. *Lomonosov M.V.* Oda na den' vosshestviya na prestol Eya Velichestva Gosudaryni Imperatricy Elisavety Petrovny 1748 goda // *Lomonosov M.V.* Polnoe sobranie sochinenij AN SSSR. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950–1983. – T. 8: Poeziya, oratorskaya proza, nadpisi, 1732–1764. – 1959. – S. 215–225.
14. *Pecherin V.S.* Zamogil'nye zapiski (Apologia pro vita mea) // *Pecherin V.S.* Russkoe obshchestvo 30-h godov XIX v. Lyudi i idei (Memuary sovremennikov) / pod red. I.A. Fedosova. – M.: Izd-vo MGU, 1989. – S. 148–311.
15. *Rodoman B.B.* Geografiya, rajonirovaniye, kartoidy: Sbornik trudov. – Smolensk: Ojkumena, 2007. – 368 s.
16. *Semenov-Tyan-Shanskij V.P.* Chto dolzhen znat' kazhdyyj kraeved o geografi cheloveka. – L.: Brokgauz i Efron, 1927. – 133 s.
17. *Hlebnikov V.* O rasshireniii predelov russkoj slovesnosti // *Hlebnikov V.* Tvoreniya. – M.: Sovetskij pisatel', 1986. – 593 s.
18. *Chaadaev P. Ya.* Apologiya sumasshedshego // *Chaadaev P. Ya.* Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma. – M.: Nauka, 1991. – T. 1. – S. 523–538.

-
19. Chekhov A.P. Iz Sibiri. Ostrov Sahalin // Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t.: Sochineniya: v 18 t.: Pis'ma: v 12 t. – M.: Nauka, 1974–1982. – T. 14/15. – 1978. – S. 5–38.
 20. Shirgazin O.R. Geograficheskoe prostranstvo «Slova o polku Igoreve» // Priroda. – M., 1993. – N 3. – S. 84–92.
 21. Shchukin V. Evropejskie landshafty i civilizaciya bol'shoj ravniny (F.A. Stepun) // Shchukin V. Rossiya: voobrazhenie prostranstva / prostranstvo voobrazheniya. – M.: Agraf, 2009. – S. 378–397.